

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns, rendered in a dark gray color, framing the entire page.

Чужие Фермопилы

**Глеб Леонидович
Бобров**

SHOUT
SHARE **IT**

- Бобров Глеб Леонидович

Бобров Глеб Леонидович

Чужие Фермопилы

Всякий раз, сталкиваясь с белым листом, с самым началом своего повествования, стоишь перед одной и той же дилеммой. Писать всю правду - от и до, или кой чего опустить? Не красоты слова ради, а дабы не искушать...

Не моя вина, да и никакая не заслуга, что выпал мне этот азиатский жребий. Но пред выбором: описать подробно, так, чтоб понял тот, единственный, для кого пишу - прочувствовал, до хруста в костяшках, до рези в глазах, или оставить на полутоне, без надрыва и без шокирующих подробностей - всегда теряюсь. Не из-за жажды дешевой популярности - меня кроме своих, родных и ветеранов вот уж десять лет никто не читает. И не от страха остаться непонятым - после Чечни сам уже ничего в этом мире разобрать не могу... только ради истины - дабы не канули в Лету лица, мысли и поступки.

В этот раз изменю своим принципам - не смолчу. Отстою, до последней, и расскажу именно так, как все это случилась. История о стоимости... О цене за право чувствовать себя человеком.

Не самая добрая история... Как говорили в старом цирке: женщин и детей - просим отвернуться!

х х х

Через пару месяцев после прибытия в Файзабадский полк - в середине января 1983 г., встав с подъемом, я понял, что заболел. Мутило, крутило, кружилась голова. На зарядку не пошел и выполз с оставшимися молодыми и нарядом на уборку территории. Собирая бычки и мусор в ладошку, как-то не так нагнулся, и меня чем-то белым стошнило прямо на выбеленные известкой камни ограждения палатки. Деда "обрыганной" территории первого-второго взводов вначале отвязались, потом въехали и позвали каптера Мамедова.

Мамед подошел, глянул на мою кислую морду, небрежно приподнял большим пальцем левой руки бровь и, выдержав достойную аксакала паузу, веско сказал:

- Пашель на х... отсюда... Бэгом - в санчасть!

Процедуру осмотра белков глаз я уже знал и, безрадостно матерясь про себя, поплелся в лазарет. Там тоже - особо не

церемонились. Выдали пробирку, потом капнули в мочу йодом и безошибочно поставили диагноз - гепатит. То бишь - свободен, Федя, отлетался. Вали, родной, в карантин, и хари оттуда не кажи... до самого вертолета!

Палатки санчасти в 83-м находились еще на старом месте - на окраине палаточного городка, между саперами и полигоном. Там же, на самом отшибе, одиноко стоял и карантин.

Захожу. Темно. Палатка без внутренней обшивки - одна резина. Полов нет. На голой земле стоят три железные койки. На двух горой свалены старые обоссанные матрасы. Отлично! Январь - он же в Афгане теплый, бля... не Сибирь. Единственное, что порадовало, так это отсутствие людей. Когда ты молодой, какой - душара! чем народу меньше, тем жизнь - краше.

Тут зашевелилась одна из коек и сиплый заспанный голос прогундосил:

- Привет, чувак, заходи...

Познакомились. Пацан - Толик с пятой мотострелковой. Мой призыв - брат сопливый. По Термезскому карантину - не помню. И не земляк, но зато с желтухой. Уже свой, блин, в доску. Да и впрямь, радуйся, что тут не "черпак" и не "дед", а то бы уже трассером мельтешил! Да и вдвоем - не в одиночку, по госпиталиям шариться. Кто ж рад неизвестности, все боимся...

Выбрал три самых не вонючих матраса. Два обычных под низ, третий, полуторный, укрываться. Не раздеваясь, в бушлате и сапогах лег, укрылся. Уснул. В обед пришел санитар - принес еду. Поели. Опять уснул... и началась - житуха.

х х х

Кормили, как положено, три раза. Вопросов - никаких. Пока перевал закрыт - отдыхаем. Приходили ребята с роты. Принесли сигарет. По-моему, даже завидовали: кто-то прошелся по поводу того, что, мол, все пашут, а эта жопа - шлангует.

Из всех видимых неприятностей только паскудный вкус родного "Памира". Оказывается, болезнь Боткина как-то интересно влияет на рецепторы, и если еда кажется нормальной, то курить - просто невозможно!

А так - лафа! С Толяном все, что могли, "перетерли" за пару дней. Остальное время спал. С ума сойти, по двадцать часов в сутки! На всю службу вперед хотел отоспаться. Да куда уж там...

Когда дрыхнуть уж не было сил, в ночной полудреме стали посещать меня воспоминания и мысли. Например, о несправедливости жизни...

Понятно - банально. Но для 18-летнего парня, все базовые ценности которого крутились вокруг танцев, крепких кулаков и незакомплексованных телок, бесспорно - прогресс. Это сейчас, когда я уже привык к несправедливости мира (вот только никак не сживусь с подобным ощущением), все понятно. Тогда же - иначе: "Ну, вот, за что? Надо было угораздить в Афганистан попасть, так еще и желтуху зацепил вместо здарсьте, урод!".

Вспоминал покойного отца. С детства он приучал меня к здоровому образу жизни (сейчас бы увидел, как сто грамм сигареткой закусывать надо, прибил бы на хрен!). Каждое утро, как ритуал, мы с ним физзарядку делали. Раз поспорили, что вытянув в воздух ногу я простою на другой больше пяти минут. Что там за пари было, уже забылось, помню, что в конце разревелся и проиграл.

Только начал ныть, как он говорит: "Не скули - терпи, солдат!"

Да... Вот он был настоящий солдат. Без фантиков. Ветеран войны. От и До. С января сорок второго по самый сорок пятый, да плюс вся Японская кампания в составе шестой гвардейской танковой. По 1954-й служил - до инвалидности. Офицер запаса. Одиннадцать боевых медалей и два ордена "Красной Звезды". Так послужил Родине, что всего на пятьдесят с небольшим здоровья хватило.

В тот же день вечером пошли гулять, и услышал я потрясший мою детскую душу рассказ о его тезке - царе Леониде и его воинах.

Отец был историком. Когда, позже, я пойду по его стопам, узнаю, что все как всегда было не совсем так. Не столь честно и благородно. Тогда же рассказанный и интерпретированный отцом миф меня буквально очаровал. Он как-то незаметно, но очень интересно расставил акценты, видимо, предчувствовал, что не долго ему воспитывать сына.

Его версия была проста: в античную Грецию вторглись персы и, чтобы дать возможность своим собраться с силами, царь Леонид с тремястами мечами вышел навстречу армии врага. Перекрыл узкий проход в горах и держался четверо суток, сдерживая орду. Потом нашелся предатель. Персы вышли в тыл к спартанцам, и те с боем отступили. В этом сражении царь Леонид погиб. Уйти с поля славы спартанцы не могли и решили дать последнюю битву. Встали кругом вокруг тела своего Царя и выстроили из щитов "черепаху". Персы не решились ради чьего-то упорства терять людей и тупо расстреляли греков из луков. Все погибли. Царь персов Ксеркс восхитился мужеством греков и приказал похоронить их со всеми воинскими почестями.

Спартанцы пали в битве, но победили в войне - боевой дух персов был сломлен.

Античная драма - битва при Фермопилах: великий герой, самоотверженные соратники, сильный и благородный противник.

Я, помню, спросил: "А в чем мужество? Почему не кинулись в атаку - не зарубили еще с десятков?" Отец ответил кратко: "Мужество было - стоять..." Вот так вот - стоять. Пусть безнадежно и до смерти, но стоять.

Отец тоже свое отстоял - два с лишним года умирал. Не знаю, какие долги он сжигал на этой земле. Такая смерть - любые спишет...

Я ж тем временем валяюсь, как свинья в навозе. Принюхались, правда, уже и матрасы нам не так озонируют, да и портянки, если сапог сутками не снимать, не досаждают. Тут и вертолеты через перевал пробились - поехали...

х х х

Прилетели в Кундуз. С пересылки сразу, своим ходом, быстренько в медсанбат, а там, еще быстрее, в карантинную палатку. Как зашел, сразу понял - кончилась лафа, да и вообще жизнь...

Пять дедов, десять-пятнадцать остальных и мы, духи - человек под тридцать. Начало веселое. Тем не менее, обошлось относительно спокойно, понятно - пахали, что тузики на даче. Впервые близко познакомился с голубой мечтой советского подростка: славными представителями ВДВ. Но тогда, в Кундузе, десантура как-то себя не особо проявила, так - совсем вяло. Ну построили пару раз ночью, ну зарядили кому-то в рожу. Делов... Надо ли было за этим в Кундуз ехать?

Пообжились за пару недель. Работ мало, только за углем ходим, да печки топим. Деды задирают, но в меру. Из лечения только одна порция порошка сладенькой глюкозки в день, да если кто пожалуется, дадут таблетку но-шпы или аллохола. Вот интересно, а что нельзя было все это в полку давать?

Два раза меня осмотрел доктор. По прибытии и перед отправкой. Подавил, потискал под ребром и буркнул под нос: "Свободен!". Оба раза! Хорошо... жить, значит, буду...

Первый раз услышал в Кундузском медсанбате байку о том, что вшей у нас разводят специально. Якобы, они нужны для нужд медицины. А я, между прочим, совершенно точно знаю, откуда эта сказочка пошла... С третьей палатки!

Рядом с первой, нашей, стояла вторая, совершенно пустая -

только деревянный пол и железный двухъярусник. Дальше последняя, третья. Сестра-близнец второй. И вот в ней, в третьей, почему-то всегда висело, вероятно - сушилось, солдатское белье. Видимо, из прачечной. Но на улице ноль-плюс пять. Вот оно так и сохло - неделями. И по нему, по этому белью, ходили БТРы. Строем! нет - колоннами! как на парадах. Такого количества вшей в одном месте нигде больше увидеть было невозможно. Да еще таких крупных! Это же все-таки не головная, а бельевая вошь. Мы ее потом у молодых вычисляли по характерному блеску яиц на изнанках швов белья и одежды - так эту тварь практически не видно. Но это уже после лета 83-го, а до того... дембеля на построениях перед отправкой мудя чесали. Вот откуда у этой страшилки ноги растут... А то рассказывали: "Завернешь вошь в кусок теста, испечешь и съешь - наутро с глаз желтизна сойдет!" Или, еще лучше: "На секретных заводах вывели такую породу вшей, что за день вражеского солдата досуха высасывают, а плодятся, как атомные мыши!"

Две недели нас лечили, а потом отправили лечиться "по-настоящему". В Фергану. Летели все вместе, в одном самолете, и "лимоны" и раненые. Деды насобирали чарза, вместе с ранеными натывкивали его под гипсы и повязки думали шмонать будут. Какой там! Кому мы нужны... не дембельская партия.

Одним словом, доехали до Ферганы уже ночью, но зато - очень весело! Жаль только города я так и не увидел. Говорили - красивый, старинный...

х х х

Вот он Союз, тихо и спокойно. Почти как дома. С утра до вечера по госпитальной радиоточке "Учкудук" и "Миллион алых роз". Кормят как в детсадовской столовой, спим на простынях, ходим в пижамах, халатах и... тапочках. Можно подойти в столовку и спокойно взять в любое время чай. Сладкий. Незапланированный. Иногда, если остается, то и хлеб, просто фантастика.

Деды, типа, умерли. Спать можно днем, можно ночью. Никто не строит. Старослужащие есть, но им не до нас. Идет бойкая торговля вывезенным планом. Местные ходоки всех подряд хватают в коридорах и на улице за халаты: "Чарз есть?" В глазах надежда и нездоровый блеск.

Еще все помешаны на теме "позвонить домой". Городской телефон в отделении отсутствует, выход за пределы инфекционки - запрещен. Руководство обещает выделить день для звонков с

центральной управы госпиталя. За десять дней нашего пребывания в Фергане так ничего и не решилось.

Вроде как сошелся с Толиком. Оказался неплохим парнишкой. Правда, себе на уме. Пока валялись в карантине и "летали" в Кундузе, как-то сами по себе выживали. А в Союзе, после всех перетасовок, остались вдвоем: с одного батальона и оба духи.

Толян относился к той категории людей, с которыми дружить не сильно получается. Они сами по себе. Совместное мероприятие (стащить жратвы у дедов) - вопросов нет, сговорились, стырили, заглотали быстренько и до следующей операции. Привет - привет, как дела - нормально, будь здоров - и ты не кашляй, все.

И все равно - вдвоем, уже вроде команда. Сам он парень не шибко большой. Ростом почти с меня, но значительно тоньше в кости и легче. Не спортсмен, но дать в репу при случае смог бы. Прямой, плечистый, курносый, на темно-русой голове ясно видны зарождающиеся лобные залысины. Одно ухо, левое, как дуля. Говорил, что борьбой занимался. Но как-то без энтузиазма, ничего особенно не рассказывал. Видно чуть-чуть потренировался, пока ухом ковер не пропахал.

Вот так и слонялись мы с ним десять дней, то сигарет где-то стрельнем, то перекусить стырим (недаром молодых в армии зачастую "желудками" кличут, сколько ни загрузи в пузо, все равно жрать хочется - просто булимия какая-то). Одни мысли и разговоры о том, как в Файзабад, да и вообще, в ДРА не возвращаться. Чем бы еще заболеть, или куда-нибудь пристроиться. Не вышло. Здесь - местные санитары, даже молодые, даже самые опущенные чмыри, как собаки бешеные. С ними не то, что поговорить, что тут и как, - подходить страшно. Дрожат, за место держатся. Чуть не угодил начальству, не стукнул, не лизнул как следует - опаньки, и ты уже "за речкой".

Вот, думаю, как жизнь интересно складывается. Сейчас без отвращения не могу тот прифронтовой народец вспоминать, а сам когда-то страстно желал к этой славной когорте жополизов и ссученных лакеев пристегнуться. Но, даже без самооправданий понятно - мы-то пару месяцев всего там пробыли, не пообтерлись, не вжились.

Да и не повязал нас тогда еще Афган по полной... Это уже потом, через год, я стану свидетелем того, как взрослые мужики, размазывая сопли по лицу, плакали и просили оставить их в тифозном бараке - лишь бы в Союз не отправляли. Там с концами. Назад не пустят.

Но это будет позже и в другой истории... а нам на десятый день объявляют отправку. В реабилитационный центр Азадабаш.

Формировочная дивизия под Ташкентом. Деды так приуныли, что и нам стало не по себе. Рассказывали жуткие истории про свирепую дедовщину, беспредел десантуры и бабаев, и просто невыносимые уставные заморочки. Так выходило, что в одном месте слились воедино образцово-показательная учебка "Остер", бардак Термеза и пыточный зиндан Ферганского эмира.

Сейчас смешно, но вся эта нелепица оказалось чистой правдой.

х х х

Прилетели в Ташкент, вошли в зал аэропорта. Вокруг гражданские. Много местных, но и славян хватает. Цыгане толпой сидят на полу. Вокруг ползают чумазные дети, там же лежат продукты - даже газета не подстелена. Все едят руками.

Есть порог, переступив через который ты - чмо. Здесь мы увидели толпы гражданских чмырей. На любом большом вокзале есть на что взглянуть, но это республиканский столичный аэропорт.... Много бомжей (тогда их "бичами" называли). Слишком много. На нас смотрят, как на своих. Скалятся тремя гнилыми клыками... Что-то говорят, смеются, выпить приглашают. Понятно, мы тоже для штатских - все чмыри.

Встали толпой, озираемся. Офицеров нет, как по команде все пропали более важные дела. Подошел патруль. Офицер, трое солдат. Десантники. Что, как... Подошел второй патруль - махра (мотострелки, которые пехота). Разговор, типа - кончить всех уродов (нас, то бишь) на месте или сдать в окружную гауптвахту. Появились наши гипократы в погонах. Через пятнадцать минут уже ехали.

Прибыли. Вот он - Азадбаш. В моей памяти сейчас название этого узбекского поселка четко ассоциируется с иными звучными названиями других населенных пунктов - Аушвиц, Треблинка, Майданек. Тогда - иначе...

Таких огромных воинских частей я вообще в глаза не видывал. В этой дивизии, наверное, весь наш полк на одном плацу уместился бы. Двухэтажные кирпичные казармы. Вообще, все здания - каменные! Площадь перед лазаретом больше полкового палаточного городка. Круто.

Начали распределять по подразделениям. Тут уже местные суеются. Пошли страшилки. В первой и четвертой ротах - сразу вешайтесь, десантура... в седьмую тоже не идите - чурки сами повесят. А куда идти-то, мы ведь не выбираем!

Тут, слава тебе Господи, случилось самое настоящее чудо.

Слышу: "Есть с Донбасса?!" Поворачиваю башку. Стоит какой-то сержантик, а рядом с ним - с ума сойти можно - Дима Кушнир! Краснолучанин, вместе несколько лет по одному рингу чижиками скакали. Маленький, крепенький - эдакий бультерьерчик. Такой же, как и до армии - котюра самодовольная! Стоит, руки в карманы, выпятил место, где у нормальных людей брюхо растет и с наглющим выражением рассматривает вновь прибывших. Вверх торчит, добирая хозяину роста, несломимый никакими жизненными ветрами русский хаер на прямой пробор. Ору, что дурной: "Димка". Подлетели, обнялись.

Поговорить не успели. Дима что-то кивнул сержанту, тот схватил мои документы и к писарю. Я не стал ждать, пока Толик соизволит вспомнить о себе, хватаю его бумаги и всучиваю их сержанту. Тот давай упираться:

- С Донбасса?

- Да, - говорю, - с самого...

Сержант ушел, через минуту от столов комсостава крик: Бобров, Семин?!

Подходим. Нам суют по какой-то бумажке (тогда про себя отметил, что они очень уж похожи на билеты в нашу городскую баню), и говорят - шестая рота!

Пошли вместе с сержантами. Новый дом, вроде как.

х х х

Как оказалось, первый взвод шестой роты был "блатной". Замкомвзвода, сам дончанин, набирал (посылая гонцов к прибывающим партиям) в свой взвод только "донбасских". Землячество жило в общем расположении, но отдельно от иных взводов. В маленькой казарме на сорок коек. В подразделении не было ни чурбанов, ни десантуры. Тихо и спокойно. Начали обживаться.

Порядки - конечно, не Остер, но после полка - не возрадуешься. Койки заправляются по "нитке", и потом кант одеяла отбивается с помощью бляхи и табурета. В результате идеальный ряд ошетилившихся острыми углами матрасов. Укладка свернутой в сахарную голову подушки, вообще - самостоятельный жанр искусства. Уборка тоже - далеко не ремесло. Оценивают замкомвзвода во главе со старшиной и дежурным по роте. Демократично - все выставляют оценки. Кто по общим результатам занял последнее место - убирает территорию. Всю территорию - вокруг корпуса казармы. Если у кого-то в тумбочке что-то неуставное, то лучше сразу в бега, легче

отделаешься.

Все меркнет перед ПХД в пятницу (парко-хозяйственный день). Все койки со всех казарм выносятся на улицу. В помещение вносится мешок пустых бутылок, которые тут же, в отдельном углу, бьются прямо на полу. Каждый молодой хватает несколько кусков стекла, становится раком на две выделенные ему половицы и, соскребая верхнюю стружку вместе с мастикой, начинает двигаться от одной стены к противоположной. Когда полы выскоблены, их тщательно натирают мастикой с помощью круглой щетки, надеваемой на ногу. Потом приносят "машку" - квадратный деревянный помост с набитыми на дно сапожными щетками и блинами от штанги, для общего веса. У "маши" есть две т-образные тяги - спереди и сзади. Четверо бойцов этой "машкой" сначала просто натирают полы - до лакового блеска, а потом еще так хитро протягивают через половицы на счет, чтобы на полу получился "шахматный рисунок". Выбиванием матрасов, чисткой туалетов и мойкой окон занимаются другие, не "половые" команды. ПХД начинается с подъемом и заканчивается к отбою.

Еще надо и за собой следить. Мы практически все приехали в рвань: где деды хорошее отобрали, где износилось, где сопрело в госпитальных каптерках. Всех переодели. Поскольку оборот людей в дивизии огромный, то и снабжали ее - соответственно. Мне достались "партизанские" галифе и гимнастерка, позаводскому залатанный, но зато совершенно новый бушлат, и брезентовый ремень. Если по поводу формы времен второй мировой народ с меня и ржал, то деды-земляки ремень заприметили сразу и предупредили, чтобы берег: "Вернешься, пригодится". Действительно, ничего лучше брезентового ремня на операцию взять нельзя - кожаный растягивается, про "деревянный" даже говорить ничего не буду.

Дома, во взводе, мы были под защитой. Попасть "под раздачу" можно было только при приеме пищи. Дивизия огромная, людей немеряно. Ели в три смены. В столовую заходили без бушлатов - раздевались на улице, на передней линейке перед корпусом роты. Оставляли по одному дежурному со взвода. Тут и начиналось. То какому-нибудь чучмеку (орава точно таких же стоит поодаль) бушлат чужой понравился, то пьяненький десантник "грушу" себе ищет, то ретивый сержант чужого подразделения (опять же - всегда ВДВешник) норовит тебя "припахать". В столовой тоже случалось. Кто будет относить пустые тарелки со всего стола? Понятно. Только дошел с горой посуды до раздачи, а там в окне своя гора. Дежурный посудомой орет - заноси вовнутрь. Как занес так и попал. Пока за тобой не придут свои, будешь помогать наряду. А там работы - восемь ванн, и неминуемый дед-бабаюка

свирепо бельмами зыркает - не пошлангуешь!

Но все это слабый отблеск заката в иллюминаторе падающего авиалайнера. За блестящей кожурой образцово-показательной дивизии жили свои черви. То, что везде называлось дедовщиной, блекло в жестоком мире Азадбаша. Я безмерно благодарен Диме Кушниру, и буду помнить о том, что он для меня сделал, до конца своей жизни. Тридцать дней из сорока я прожил в оазисе, посреди безжалостной пустыни. И, самое главное, многое узнал о выживании.

Все, что говорили о первой и четвертой ротах - правда. Седьмая отдельная тема...

Обычно во всем винят офицеров. Мне кажется, что тут особый случай. Азадбаш - это огромная пересылка всего Туркестанского военного округа. В округе 40-я армия - одна из многих. Да, было много людей из ОКСВА - вина специфического климата, все же в Афгане желтухой болели намного чаще, чем в округе. Кроме того, не все гепатитчики округа попадали в дивизию, многие ехали в отпуск. Афганцам отпусков не полагалось. Вот представьте себе, со всей Средней Азии, со всего Афгана едут люди после болезни. Служат, если это можно назвать службой, сорок дней, а потом едут по своим гарнизонам. Офицеры - точно такие же желтушники. Какая тут может быть дисциплина - все варяги! Да и недосуг было "кадетам" горбатиться в чужой части - своя ждет. Пришел утром на три минуты - глянул на сержантов, все ли на месте, да и ушел... до следующего утра.

Сказать, чтобы не боролись - еще как боролись: от десяти до пятнадцати открытых судебных процессов по дивизии в месяц. Сроки такие, что закачаешься. Как на разводе зачитают, кому сколько дали, так вой стоит - в городе слышно.

Но и вершилось такое, что на уши не натянешь. То наряд обдолбился и обожрался местной чашмы, а потом прибил дежурного по штабу (чтобы спрятать тело, они засунули его в топку котельной - до половины корпуса... и уснули); то десантура отработывала "калабаху", да не подрассчитала - перебили шейные позвонки своему же - молодому из ВДВ (а их, своих, кстати, они всегда лупили особо жестоко); то какой-то урюк, избивая, перебил пацану сапогом половой член; то довели до самоубийства сразу двоих (бойцы перекинули веревку через забор, завязали по петле и вместе прыгнули - по разные стороны); ну а об истории о том, как один терпел-терпел, а потом пошел и сдал всех с потрохами особистам, я вообще подробно рассказывать не хочу (последней каплей послужил дедовской спектакль, где будущего стукача принудили отсосать у бродячего кобеля).

Самой страшной считалась "отправная" седьмая рота. Если

остальные формировались по убытию реабилитантов, то отправляли народ именно с седьмой. Там творилось вообще нечто неопишное. По слухам, в ней даже десантники "отхватывали" по полной программе.

Слухи подтвердились сразу и полностью, как только меня, Толика и еще с два десятка порозовевших кабанчиков перевели в "отправную".

х х х

К отправке мы заделались настоящими старожилами Азадбаша. Все земляки и Димка, и сержант-дончанин давно разъехались по своим частям. Землячество тут же развалилось, и буквально через пару дней взвод переформировали. Мы пошли в общие казармы, а отдельную "палату" тут же заняло другое землячество. Правильно... чуеки!

Ко мне на пару дней приезжала двоюродная сестра Валентина (они с матерью тогда еще жили в г. Байсун Узбекской ССР). Подкормила и братца, и Толика. Спасибо тебе, сестренка!

Еды все равно не хватало, хотя кормили, по армейским меркам, весьма неплохо. Была, к слову, в Азадбаше и своя "фишка" - полдник. По времени, как раз посередине между завтраком и обедом, батальоны по очереди выстраивались на плацу и на длинных столах появлялись молочные бидоны и подносы с кружками. Всем наливали по 250 мл какой-то местной разновидности кефира. Если спросите, какой он, отвечу однозначно - самый вкусный во всем мире!

Один раз у нас был просто праздник - будучи в наряде по кухне попали на работу в пекарню. И здоровенный амбал, вольнонаемный узбек, дал нам с Толяном по буханке горячего хлеба. И даже более того, разрешил остаться в маленькой клуне, чтобы его там съесть. Понимал, значит... Интересно, почему в молодости они совсем другие? Такие, как в седьмой "отправной"...

х х х

Все же хранил меня кто-то все эти годы...

В первый же день перевода вновь прибывшие познакомились с процедурой окончания переключки перед отбоем. Все гениальное просто. Хотите порезвиться в "седьмой" - да вопросов нет! В роте человек - хорошо за двести, выбирай, не хочу! По окончании все деды и особо заслуженные (то есть все, вне

зависимости от срока службы урюки) выстроились по обе стороны от входа. Команда отбой, и орава из сотни молодых ломится в двери сквозь строй свистящих блях и ремней.

"Балду свою бестолковую подставил, кровь потекла - п...ц тебе! Значит, сучара желторотая, не умеешь ты жизнь свою спасать и ставишь все боевое подразделение под удар противника. Тебя же, гандона, потом под душманским огнем придется с поля боя на руках выносить! А ты думал?! Всем в Афган идти, не только тебе, мудак безмозглый! Твои деды нам спасибо скажут за учебу твою, русский пидарас! После отбоя - к замкомвзводу, на дополнительные занятия. Пока - бегом, марш!"

Вот так вот... Тонкостей этих правил мы еще не знали. У меня дырка посреди головы небольшая, но кровь не останавливается. У Толяна - бровь. Надо было ему, братишке, не борьбой, а боксом заниматься - пообвыкся бы. Пока ждали отбоя, осмотрелись. Огромная казарма, бесконечные ряды коек. Сразу видно: несколько землячеств и десантура - отдельными островами. Самое большое и жестокое - узбеки. Самое безбашенное - азербайджанцы и северный Кавказ (потом уж узнали). В роте взводов не три, как положено, а штук восемь, да в каждом - по тридцать с лишком бойцов. Все разных призывов и везде свои "приколы". Посмотрели, поняли - не отбоя ждем, смерти. Спрашиваю Толяна:

- Что делать будем?

- Ждем...

Оказался чертяка прав. Мы еще на разводе слышали шушуканье о каком-то Рустаме. Волновался народ больно. Нам, молодняку, ваши старческие волнения до жопы! Чем вам, твари, хуже, тем вы нас, выживальщиков, меньше трогаете. Отбой. Только в койки прыгнули, слышим команду:

- Э... собаки битые... Ко мне!

Подходим. Пять плоских харь.

Одна разевает пасть:

- Чайник чашмы - сюда, пулей.

Стоим, мнемся. Где брать чайник, положим, понятно. А деньги? Для нас, духов, вопрос не решаемый, в принципе!

Тут подлетает перепуганный на всю голову младший сержант ВДВ, хватает нас за загривки и начинает выталкивать с прохода меж коек и при этом придушенно шипит:

- Бегом, бля! Не слышали, что Мирза сказал!

Побежали. Пацан вздеवेशник, Славик. Мой призыв - осенник 82-го. Сибиряк из Красноярска. С нами в одном взводе. В Афгане еще не был - прибыл прямо по окончании учебки. Зато в "седьмой" уже полтора суток. Это по нему видно напухшая щека (потом

выяснилось - сломано два коренных зуба), терпит, но прихрамывает (получил сапогом в голень - смачная гематома). За чашмой уже ходил (да ладно - все ходили, не в одной "отправной" деды бормотуху глушат). Деньги у него.

Про таких в армии говорили: "Парень, вроде, неплохой - только ссытся и глухой!" Настоящий русский мальчишка - светлорусый, круглолицый, коренастый, щеки с румянцем до бровей, но не улыбочивый и одна проблема - он из тех, правильных, что везут и все терпят. Принял условия игры и тянется по ним, как срака по щербню. А его тем временем имеют по полной. И при этом с места давай учить, старший товарищ хренов.

- Что вы стояли, дрочили, жить надоело?

- Да ладно... расслабься! - Толика попустило. Славик не отступает:

- Щас на патруль нарвемся - всех расслабят!

Толяна перемкнуло, аж встал, бедный:

- Чуваки! Все просто, бля! Нас вяжут, "губа" - вертолет - отмучались!

Тут даже Славик заулыбался.

- Ты че, братан, вообще дурак, или тебе бляхой мозг зацепили? Какая на х... "губа"?! - Ну действительно, что-то Толик пересмотрелся мультиков в роте. Если и было в Азадбаше место хуже "седьмой", то это именно она, будь неладна, - гарнизонная гауптвахта.

- А кто этот чурбан? - начал просыпаться мой здравый смысл.

- Мирза, страшный человек! - начал Славик. - Он зам старшины роты и, вообще, не из нашего взвода. То они сегодня сами пересрали, из-за Рустама, вот он и хапнул первых попавшихся!

- Нас что ли?

- И вас, и меня...

Из рассказа Славы выяснилось, что Мирза - предводитель местных урюков, кантовался в "седьмой" роте второй месяц. Сам из Самарканда. Часто приезжают родственники. С бакшишами. Вот и оттягивается плоскомордый. Зверюга редкая, бьет страшно, а по нему не скажешь - типичное чмо, и на вид - доходяга. Месяц назад, по рассказам, бил одного молодого так, что, по образному выражению нашего гида, "сломал писюн". Парня госпитализировали. Дело как-то само собой замялось. Нашего друга не любит, да и Славик его панически боится (я его понимаю!). Говорит, что Мирзе не нравится его имя. И тут он добавил:

- Того, кому он яйца разбил, тоже, говорят, очень не любил, звали Максим...

- Потому и не любит, раз боишься!
- Славик посмотрел на меня и ответил:
- Ты не умничай, я на тебя посмотрю!

х х х

На следующий день, в пятницу утром, в роте появился Рустам. Это мой хранитель его прислал! Сейчас я это понимаю...

Более колоритного персонажа, более отмороженного на всю контуженую башню коня я и за последующие годы никогда уже не встречу.

История его жизни напоминает какой-то неправдоподобный авантюрный роман. Родитель у него был таджик, а матушка - азербайджанка. Внешне эдакий пахлаван. Очень высокий и весом - за сто. Лицо - просто страшное. Все в шрамах, рубцах, да плюс рябой. Весь такой кряжистый, широкий. Руки длинные, почти до колен, и очень большие ладони. При всем этом весь какой-то жилистый. Но обычно жилистыми кажутся люди худые, сухие, а Рустам нет широченная грудь, широченная талия, мощные ноги. Если постараться образно описать - оживший карагач. Смуглый и безжалостный. По-восточному, по-настоящему...

По легенде (а назвать историей жизни этот путь - язык не поворачивается), он призвался в ТУРКВО четыре с половиной года назад, чуть ли не в 78-м. Дослужился до деда. Потом кого-то не так замочил. Попал в дисбат. Отсидел непонятно сколько, вышел и вновь пошел по новой. Короче, тайна во мраке. Я лично слышал, что в дисбат по два раза не ходят отправляют в зону. Пересказываю, что говорили. В результате, переболев гепатитом (он еще и болеет?!) попал уже дембелем сюда, в Азадбаш. Ждет отправки в часть и домой.

Единственное чувство, которое его согревало по жизни, я уверен, была дикая, жгучая и неиссякаемая ненависть ко всему. К армии, офицерам, солдатам. Ко всем солдатам, это очень важно! Он был настоящий интернационалист и, как бы это обозначить - социумо-ненавистник. Он ненавидел молодых и дедов, махру и десантуру, русских и узбеков - всех. Перед ним все были молодые, все были русские, и все были свинари. Он плевал на земляков, афганцев, местных, офицеров - на всех! И еще - у него не было правил. Ложил он на них! Даже не так - Рустам был вне правил, он, наверное, просто не подозревал о существовании такого понятия!

Первое, что он сделал, прибыв в роту - с двух ударов в голову увалил на кучу битого стекла одного из лидеров местных дедов.

Тот, видите ли, должным образом, и что немаловажно - быстро и внятно не объяснил старшине, почему гвардии старший сержант ВДВ и дембель вместе со всеми не отскребывает полы. А когда тот неуклюже попытался встать, Рустам добавил сверху - всей подошвой то ли ударил, то ли вдавил голову десантника в стекло. Это знаменательное событие (пострадавший - редкая сука) произошло в пяти метрах от меня. Мы подхватили окровавленного дембеля и уволокли (на руках!) в гарнизонный госпиталь. Того, что было очевидно для всех, Рустам, по-моему, просто не понимал.

Второе - зверски, вновь до госпитальной койки, изуродовал трех представителей азиатско-кавказской коалиции, подошедших прямо на вечернем разводе к нему на переговоры. Сначала грохнул парламентаров прямо перед строем, потом отфутболил всласть, потом закончил развод - "отбил" роту и лишь потом гордый ушел с линейки, подразумевая: "Можете забирать свою падаль!"

Что мы, уже сплоченная невзгодами троица, прочувствовали и передумали в эти минуты - рассказывать, наверное, глупо. Только, как оказалось - зря. Этот демон пустыни действительно оказался спасителем духов "седьмой".

Все просто. Ты и так все время пашешь, как богом проклятый осел. Тебя и так лупят и грузят и днем, и ночью. Ты глаз от земли не поднимаешь, слушаешь смиренно. Всегда четко и быстро, очень короткими и всем понятными фразами отвечаешь на любые вопросы. На кой ты нужен Рустаму? Он спросил - ты отрапортовал. Он тебя понял и послал. Ты отдал честь, сказал "Есть" и бегом! а не вразвалочку, ретировался. Что с тебя ему еще нужно? С дедами сложнее. Их ведь никто не отменял. Ладно, перед Рустамом, положим, дед, помня, как он сам когда-то шерстил, прогнется. А свои? Свои шакалы? Такие же... Вот тут рулетка! В этом-то и было спасение: пока они играли - мы жили!

Да здравствует захватывающая игра: "Кто нарвется на Рустама"!

х х х

Выхватывания по поводу и без сократились, но их все равно хватало - с головой. Все, что рассказывали про Мирзу, было только половиной правды. По-моему, это был просто больной ублюдок. Худое, невысокое, чернявое, желтомордое и злобное существо. Законченный садист и славяно-ненавистник. Это вообще-то нечасто встречается, я имею в виду явные и

нескрываемые выражения неприязни именно по национальному признаку, к "господствующей расе". Но и без своего расизма Мирза был просто кошмарным существом. Сочетание внешнего убожества чмыря и изощренной жестокости восточного деспота непереносимо.

Я не бодибилдер и не ценитель мужских попок, но когда у парня, у худющего парня! плоский, но отвислый, как у овцы, зад, впечатление такое, как будто у него там насрано. Чмо!

Как-то заметил по дороге в столовку интересную особенность. У нормальных людей сапоги обхватывают икроножные мышцы, у этого урюка - нет. Ноги, как у затравленного чмыря-недомерка, с чужими стоптанными сапогами на три размера больше, телепались внутри голенищ. Показал взглядом Толяну, тот проникся, просиял, толкнул Славу. Наш правильный друг, вместо того, чтобы получить маленькое, но честно заслуженное моральное удовлетворение, только шикнул на нас и сделал зверские глаза.

Понятно, пацан пахал как все, а выхватывал за двоих. Не выучил еще простой армейской премудрости - кто много делает, тот чаще ошибается. А ошибок здесь не прощали. И вообще - никому и ничего не прощали - не существовало здесь такого понятия, как милосердие.

Вот Слава - чистый пример. Выхватывал от Мирзы и его холуев с утра и до вечера. Потом шел к своим, и тут же получал пару колобах от десантуры: "Ты че, бык, не врубаешься?! Ты скоро у своих черных сосать, бля, будешь! Десантник х...в!" А сами, герои хреновы? Да ладно, и так все понятно...

На следующий день Мирза от души потешался над "рюсский пидарас" и находил пару дополнительных поводов для внеплановых работ и мордобоя.

х х х

У меня тоже проблемы начались. Взрослые проблемы. На нервной почве. Перестал спать. Не так чтоб совсем. Но запросто мог уснуть под утро. Как потом ходил полусонный, да еще и успевал "включаться" в кризисные минуты ума не приложу!

Толян, который сам по себе, и Слава, который тормоз, пацаны... вас тоже до смерти не забуду! Сколько раз прикрыли, сколько раз спасли...

Тут же как, как на скотобойне. Пока тащишь лямку - живи, скотина. Ослаб, упал - на живодерню! Слабого - добить! Ну и что - устал, ну и что ноги все сапогами отбиты? Не можешь - вешайся!

По ночам смотрел мультики. Это просто - глаза закрыл и смотри, все равно не спишь.

Друзья на гражданке. Были дела!

Девчонки. Можно было и вот так. Или вот так сказать, а что если вот так додумать?

А здесь я был не прав, потом надо будет письмо пацану написать.

Да и вот тут мать, наверное, тоже не этого хотела. Ладно, мам, мы уж с тобой, родная, как-нибудь, разберемся...

Отец. Стойкий солдатик. Мужичище. Как бы ты здесь себя повел? Уж тебя-то, папаня, жизнь покорежила ой как!

Вспомнил отцовскую фронтовую историю. Как жаль, что я их помню так мало! История тоже, кстати, про Фермопилы...

х х х

Донские степи, душное лето сорок второго. Силы Степного и Воронежского фронтов откатывают к Сталинграду. Сплошное отступление. Бегство. Отец командир саперного взвода, вместе со своей частью идет в хвосте войск. Минуруют отход. Мимо проходят отставшие, самые обессиленные. Того мужичка, как рассказывал, он тогда запомнил.

Сидит у завалинки загнанный дядька, курит. Взгляд - под ноги. Пилотки нет, ремня - тоже. Рядом "Максим". Второго номера - тоже нет. Покурил, встал, подцепил пулемет, покатил дальше. Вещмешок на белой спине, до земли клонит. Отец говорил, что еще тогда подумал, что не дойти солдатику. Старый уже - за сорок. Сломался, говорит, человек. Сразу видно...

Отступили и саперы. Отойти не успели, слышат - бой в станице. Части арьергарда встали. Приказ - назад. Немцы станицу сдают без боя. Входят. На центральной площади лежит пехотный батальон. Как шли фрицы строем, так и легли - в ряд. Человек полтора-два. Что-то небывалое. Тогда, в 42-м, еще не было оружия массового поражения. Многие еще подают признаки жизни. Тут же добились...

Вычислили ситуацию по сектору обстрела. Нашли через пару минут. Лежит тот самый - сломавшийся. Немцы его штыками в фаршмак порубили. "Максимка" ствол в небо задрал, парит. Брезентовая лента - пустая. Всего-то один короб у мужичка и был. А больше и не понадобилось - не успел бы.

Победители шли себе, охреневшие, как на параде - маршевой колонной по пять, или по шесть, как у них там по уставу положено. Дозор протарахтел на мотоциклетке - станица

свободна! Типа, "рюсские пидарасы" драпают. Но не все...

Один устал бежать. Решил Мужик постоять до последней за Русь, за Матушку... Лег в палисадничек меж сирени, приложился в рамку прицела на дорогу, повел стволом направо-налево. Хорошо... Теперь - ждать.

Да и ждал, наверное, не долго. Идут красавцы. Ну он и дал - с тридцати-то метров! Налево-направо, по строю. Пулеметная пуля в упор человек пять навывлет прошьет и не поперхнется. Потом опять взад-вперед, по тем, кто с колена, да залег озираючись. Потом по земле, по родимой, чтобы не ложились на нее без спросу. Вот так и водил из стороны в сторону, пока все двести семьдесят патрончиков в них не выплюхал.

Не знаю, это какое-то озарение, наверное, но я просто видел тогда, как он умер. Как в кино. Более того, наверняка знал, что тот Мужик тогда чувствовал и ощущал.

Он потом, отстрелявшись, не вскочил и не побежал... Он перевернулся на спину и смотрел в небо. И когда убивали его, не заметил. И боли не чувствовал. Он ушел в ослепительную высь над степью... Душа ушла, а тело осталось. И как там фрицы над ним глумились, он и не знает.

Мужик свое - отстоял. На посошок... Не знаю, как по канонам, по мне это - Святость...

х х х

За три дня до отправки, уже вечером, в роту пришел новый пацан. Явно молодой. По всей палатке быстро зашелестело: "Макс вернулся". Тот самый, со сломанным писюном. Пришел, лег на свободную койку и уснул. Как дембель прямо! Повезло, что Рустам к себе ушел.

Следующие дни помню смутно - как лошадь уже спал стоя. Макс прибил к нам. Оказался земляком Славы. У них землячество такое интересное - один с Красноярска, другой с Челябинска - черти сколько сотен верст один от другого, а поди ж ты, земляки. Вот нам бы так! Толян с Ростовской, я с Ворошиловградской, 300 километров, три часа на машине...

О чем страшилку рассказывали - подтвердилось. Мирза действительно ударом ноги повредил ему член. Врачи в госпитале его подлечили, но объяснили, что у него разрыв пещеристых тел и ему нужно срочно делать операцию, иначе "вставать" будет только до места повреждения, а дальше нет. И детей с такой отвислой кочергой ему не сделать. Даже направление дали куда-то в столицу. Только он его... спрятал!

Мне он не нравился, хоть вроде как и влился в "банду". Что-то с ним было не так. С головой... Я сам, конечно, тогда ходил, как зомби. Но этот был вообще - с пустыми глазами.

Поговорили мы с ним толком только раз. На погрузке гравия за день до отправки. Тема у него, конечно, была такая, что не затронуть ее было невозможно. Пацаны все ж таки... Перешли на его проблему. Макс, как и прежде, и спрашивал, и отвечал спокойно, я бы даже сказал, равнодушно. Да перебили, да - Мирза, да - тварь. А что теперь? Посмотрим. Направление направление подождет. Я его спросил:

- Ты че, мужик, вообще, с крантов съехал?! Какое на х... - подождет! Отправят в Афган, оттуда никакое направление не поможет.

Он просто не ответил - уперся взглядом за забор. Так вот и пообщались.

х х х

В ночь перед отправкой наступил Валтасаров пир. К бабам съехалась вся родня - провожать. Полроты чурок - гражданских, военных, всяких. Дети дурные, бабы какие-то безобразные меж коек с сумками шныряют. Урюки притащили с собой жратвы, водки, инструменты свои музыкальные - "одын палка, два струна". Прутся по полной!

Молодняк пашет - аж гай шумит! Водка, она быстро кончается. Пошли колонны бойцов за чашмой. Кому-то по балде пустым чайником грохнули - не принес, другие деды отобрали - пацан и лег под койку.

Десантуре налили - те опять давай молотить с пьяной удали кого ни лень. Одного своего загнули и лупят по шее колобахи, а он не падает. Их главный совсем разъярился, говорит пацану, чтобы тот нагнулся и мотал башкой (у них такое убеждение было: дабы шею не сломать ударом, она расслабленная должна быть), а сам размахивается, по-деревенски, и лупит плашмя кулаком - "со всей дури". То повезло парню, что дед - свинарь или хлебопек, толку, что старослужащий. Бить не умеет совсем, не "вворачивается" в удар и корпус, хоть и пытается бить всем телом, не вкладывает. Урод, даже в этом... Упал пацан, додумался, слава богу. Ржет десантура - победа!

Чуреки тоже разошлись, что свои, что штатские. К середине ночи ужрались все в "сисю" и пошло-поехало. Тупо гоняют по казарме всех подряд, мочат, где поймают. Бабы их отвратные на койках сидят с ногами немывыми, визжат от восторга, как же -

"рюсских пидарасов" гасят! Вы же, кобылы вонючие, их ненавидите - они ж от вас рожи воротят и носы зажимают. Бачата их дебилные, спят вповалку, ухайдокались бедные - такой спектакль длинный. Нормальные, короче, семьи - правильные...

Мы в этом ночном погроме участвовали хитро. Сделали пару ходок за чашмой. После третьего похода последний чайник отдали уже не чучмекам, а своим - землякам Макса и Славы. Тоже десантура. Главный - "страшный сержант", дембель. Вообще откуда-то с крайнего севера. Ну, с Максом понятно - свой, зема, да и чересчур потерпевший. Слава - сибиряк и вэдэвэшник, хоть и не афганец. Мы с Толяном прокатили как друзья, да и бакшиш все ж таки - пять литров крепленого, "чирик" стоит. Разрешили нам четверым в самом конце казармы под свои угловые спаренные койки залезть.

Сверху десантура гуляет: под койку залетает нераспечатанная пачка вьетнамских сигарет (названия уж и не помню - в буфете продавались) и голос спасителя: "Тащитесь, духи!" Да, мы не гордые, конечно - спасибо...

И вот тут, под утро, случился у меня с Максом серьезный разговор. Насколько - серьезный, я чуть позже понял.

х х х

Почему он выбрал именно меня, я узнаю позже. Но ему нужны были все. У него не было плана. Не могло быть - по определению. Такое не планируют. И ему был нужен я. Очень нужен. Не из-за физического превосходства над любым из членов группы, и не потому, что со времени развития моей бессонницы пацаны нянчились со мной, словно с куклой. Ему были нужны мои мозги. Вернее, их бездействие. За последние дни все убедились, что я уже вообще не думаю, а просто - знаю. Это сложно объяснить...

Но начал он разговор со мной интересно - на Вы.

- Послушай, Глеб, мне нужна ваша помощь, дело есть... - Я, в ответ, промычал что-то нечленораздельное. Он продолжил:

- У меня тут должок, вы поможете?

- Ты про что?

- Должок, говорю, поможете?

Я въехал:

- Мирза?

- Угу...

Как-то странно. Макс мне за эти дни показался вообще человеком без эмоций, без сил, без души, а тут на тебе - заговор,

мечь. Спрашиваю:

- Под шумок?

- Нет, потом...

- В Кундузе? (вся отправка в ОКСВА шла через Кундуз)

Он посмотрел на меня своими пустыми глазами и бесцветно ответил:

- Погрузка в четыре. - И после паузы добавил: - Утра...

Ну да... В марте здесь в четыре утра - хоть глаз коли. Все упились до зеленых соплей. Рустама нет и не будет до утренней проверки... Да ты, чувак, соображаешь!

Развернулся, чтобы видеть лицо. Подкуриваю сигарету. У самого уже мозги пару дней как вырубались, функционирую на иных, самому не понятных принципах. Все воспринимаю целостно и кусками - чувства, эмоции, желания, мотивации. Все и сразу! Так и чурок своих, как рентгеном просветил, все вырубались, можно не возвращаться, а чашму ВДВ подарить - те искать уже не будут, просто не помнят, а эти примут с радостью, им нажраться - не впадлу!

Смотрю на Макса и вижу тьму. Там какое-то изображение не такое. Нет ничего, никаких чувств - только действие. Тут до меня доходит. А ведь он его убьет... Без дураков, без всяких понтов. Заколет, что свинью... Это хорошо... Чурки всю команду уроют на месте, до губы не доживем. Еще лучше устал, спать хочу... До свободы осталось несколько часов (время я тоже интересно тогда воспринимал - как кусок расстояния в метрах: от события - к событию). Какая разница: улетим, прибудут, посадят - ну надо пацану. Чувствую, что надо... Отвечаю:

- Народ. С подъемом - все за Максом. Дело у него... Я пока покемарю.

Как позже выяснилось, "народ" был в курсе. Макс уже перетер и со Славой и с Толяном. Пацаны испугались... Что и как он собирается делать, Макс не говорил, вообще ничего. "Я эту паскуду увалю...": тускло и безжизненно, никаких комментариев и блеска в глазах. Но ребята же чувствуют - увалит! Точно - рубанет плоскомордого! А что, а как, а где?! А нигде и никак молчит Макс, морозится... Ну пацаны его на меня и спихнули. Типа, лидер король банды. Угу - король, полное зомби, и банда - сборная "рюсских пидарасов"!

Тем не менее я слово сказал - сказал, все - к бою готовы. Есть - кто командует, есть - кто делает. Все стало на свои места, ясно и понятно. Как потом рассказывал Толя, все уснули! и спали до подъема (по секрету: я-то знаю, что Максим не спал!).

Я уверен, что все так мгновенно разрешилось по той же причине, по которой Рустам совершенно безнаказанно в одиночку

мочил лидеров сильных и многочисленных землячеств на глазах у всего кагала. В это невозможно поверить, но у него даже "шестерок" не было. В смысле - команды жополизов, тире, карманных палачей. Рустам сам божество, сам судья, сам палач.

И ответ тут, в этой загадке, я теперь думаю, простой. Рустам был готов к поступку, к действию. Его не интересовали последствия. Он не думал, что будет с головами тех парламентаров, которых он растирал кирзой по плацу. Его не интересовало, насколько глубоки будут порезы от стекла на лице навороченной десантуры и останутся ли целыми его глаза. Либо он был морально готов ответить за содеянное, либо просто не понимал и не задумывался над последствиями.

А скорее всего, мне почему-то именно так кажется, он за свою короткую и слишком бурную жизнь четко усвоил немудреную истину, что человеческая природа в своем подавляющем большинстве гнила. Человек слаб духом и труслив душою. Не готов ни к чему - ни к поступку, ни, тем более, к ответственности. Ну изувечил он азера перед строем, ну и что? "Пойдете за него всей толпой писаться? Да куда там! В жопе не кругло! Ведь вы понимаете - раз я его порвал у вас, щенки, на глазах, то и через любого переступлю и печень вырву! Я готов! И сидеть и под ножами упасть, а вы? Кто тут готов умереть сразу или сидеть полжизни? А?! То-то же! Ты, ты и вот ты - парашу чистить, а остальным - сосать!"

Понял он это и поставил себя вне морали и вне правил. И получилось! Вот он уже и обожествлен. Весь этот зверинец замирал при его появлении. А как весь "бабайстан" на него смотрел - с обожанием! Я думаю, что если бы Рустам действительно захотел какой-то формы культового поклонения, ну там клятву верности на коленях, или сапоги лобызать, то все чуреки выстроились бы в строй! Не шучу! Я даже знаю, кто, растолкав всех, встал бы первым в очереди, засвидетельствовать свое почтение, - Мирза! Кто же еще... Эта мерзость не была готова ни к чему. Уверен, что трагедия Макса для этой смуглой обезьяны - просто оплошность. Ну на кой, спрашивается, ему были все эти проблемы с офицерами, с откупам и бакшишами? Ну, прославился средь своих, ну, особо досадил еще одному славянину? Та! Там подвигов и так хватало на два обелиска.

А вот Макс был готов к поступку. Просто он был в иных условиях, и с головой у него, скорее всего, было посложнее и покруче, чем с членом. В смысле - проблем. И, тем не менее, он принял решение и заявил о нем. Второй отморозок - я, решение поддержал и тоже взял часть своей ответственности и за себя и за друзей. Чего команде теперь мельтешить - нормально,

разобрались. Теперь - спим.

х х х

В половине четвертого дали подъем. Народ начал собираться. Тут случился неприятный казус - чуть вся операция к чертям не полетела. Подваливают ко мне три чудака престарелых и с ними срань какая-то малолетняя. Главный дедон грозно супит брови и начинает базар: так мол и так, ты - душара конченная, а наш земляк и брат по оружию с хреновым бушлатом возвратиться в родную краснознаменную и трижды гвардейскую часть не может. И ремень, кстати, тоже верни на родину! Мы хоть и не десантура, но размазюкаем по полу не хуже!

А мне уж - хоть кто! Спрашиваю:

- А что - сам не может забрать?

Тут же чувствую сверло в затылке. Разворачиваю башню. Через две койки сидит Макс и своими бездонными зрачками давит мне на больную голову. Понял, братишка! Тупо и молча снимаю бушлат, протягиваю ремень. Взамен получаю куцую шинельку и нечто, бывшее когда-то ремнем. Какая теперь разнища.

Вышли на улицу. Темень, туман страшный. Промозгло, сыро. Отвратно...

Пацаны рядом. Слава, молодец, тоже как-то слинял с роты (он "местный" ему не туда) и стоит сзади всех. Понесли бабаев - волоком, на руках, кто как. Гомон сразу поднялся, гвалт какой-то. Бабы орут, дети плачут, урюки ржут, кто-то рыгает. Полный...

Десантура идет враскачку. Обнялись и идут так строем - шатаются и чей-то орут, типа - песня. Мы в середине всего этого бедлама.

Толик уцепил меня за руку - потащил куклу. Смещаемся назад, вижу Мирза, три отморозка из его команды и пара гражданских. Все - просто невменяемые. Я как гончая только носом повел - да нормально, Федя, хоть здесь вали! Никто уже ничего не рубит. Кивнул Макс. Он мне. Какая классная штука - телепатия!

Подошли с двух сторон, приняли Мирзу под руки и ведем в колонне. Наши идут сзади. Шли долго, чувствую КПП рядом. И тут, как удар сзади - по мозжечку: "Давай". Я смещаюсь влево. Под моим давлением и Макс, и тем более Мирза меняют направление, и мы втроем вываливаемся из пьяной колонны в боковой проход. Там дальше - туалет КПП. Глухое место. Я останавливаюсь. Макс по инерции протаскивает Мирзу еще метра три и тоже

останавливается. Оборачиваюсь. Мимо в тумане проплывают неясные тени. Гомона еще больше, или туман резонирует, или нет... то народ встал - прощаются. Чурки в голос воют. Десантура орет, срывая глотки.

Толян со Славой сзади, озираются. Но не боятся! Чувствую! Если что, мало никому не покажется. Тут и самому Рустаму сейчас халыва не обломится. Смотрю на Макса.

Он стоит, держит левой Мирзу. Тот телепается из стороны в сторону, как говно в проруби, ничегошеньки, мразь, не соображает. Правой Макс лезет за пазуху и достает нечто круглое и увесистое. Отходит на шаг и резко рубит этим Мирзу по затылку. Тот, как стоял, так и сел на колени - не держали бы его за шиворот, и лег бы. Макс еще три раза подряд с размаху хрястнул его по темечку. Сзади движение! Не смотря, вытянул левую руку и перехватил Славу. Нечего землячку там делать - это их счеты!

Я вдруг понял, что у него в руках. Этот звук... я его знаю на вкус... Гравий! Мы его выгружали у штаба буквально сутки назад. Мелкий, мраморный, красивый и тяжелый - полную грабарку не поднять. Он его в перчатку насыпал и теперь гасит это недоразумение - искру Божию - как кистенем.

А Макс вошел в раж. Четвертый раз заехал наискось и не удержал воротника. Урюк без единого звука, словно куль с тряпьем, повалился на бок. Перчатка лопнула, и гравий картечью хлестнул мне по сапогам.

Он был уже мертв. Давно. Умер сразу - с первого удара в затылок. Я это знал. Макс это знал. Все это знали.

Макс постоял над телом, оттянулся назад и заехал сапогом в грудь. Тело перевернулось на спину. Он подошел и несколько раз очень расчетливо и "правильно", по науке, ударил сверху вниз ребром каблука в центр груди. Захрустело. Мирза издал некое подобие хрипа - просто воздух из легких. Я подошел и взял Макса за локоть. Он повернул свои стволы и уперся в меня...

Могу поклясться, что в бездонной глубине этих глаз, внутри их! клубился туман! Азадбашский, густой и осязаемый, клочковатый и клубящийся под ветрами - как дым. Он желтый в лживом свете больных фонарей. Ну почему в Средней Азии все фонари - желтые?! Почему у него в глазах - туман? И почему он заразил им меня? Я это чувствовал на физическом уровне, как перетекание песка из одной руки в другую.

Отшатнулся, но локоть не выпустил. Сказал:

- Все... пошли...

Макс бросил порванную рукавичку на землю и пошел следом за нами.

Прошли КПП, подождали пока пьяная толпа рассядется по КАМАЗам. Попрощались со Славой. Коротко и даже сухо.

Сели к нашим защитникам из ВДВ. Те хотя пьяные, а приняли радушно. На войсковом аэродроме нас попытались пересчитать, но потом махнули рукой и дали отмашку.

Через два часа высаживались в Кундузе. На выходе со взлетки мне на глаза попался утренний боец. Я подошел. Их было трое. Голова моя уже просто ничего не соображала, поэтому я, не напрягаясь, просто сказал:

- Бушлат...

Пацаненок затравлено смотрел на меня. Рядом стояли его друзья. Это надо просто попытаться представить: трое солдат - год или больше, не деды, но все же. Напротив замученный, с белками как у альбиноса чмарина. На нем жалкие обноски. Он требует свою одежду. Он пытается их раздеть!

Сзади подходили Максим и Толик. Все молчали. В моих глазах клубился чужой туман. Один было начал:

- Ты че, душара... - но, взглянув на Макса, осекся. Манекен начал молча стаскивать бушлат, потом сам протянул ремень. Перекинув одежду через руку, я повернулся и двинул на пересылку. Вроде что-то там кричали про шинельку. Я не помню...

Зайдя на пересыльный пункт нашего полка, я ввалился в полуземлянку и сел у печи. Ничего не чувствовал и ничего не понимал. Мне нужно было в госпиталь, или умереть, или уснуть...

Появился Толик.

Я спросил, где Макс. Оказалось, что он ушел в санчасть - у него на руках направление в столичный госпиталь. Толян сказал, что чувак передавал мне большое спасибо и взял мой адрес, чтобы написать из Москвы.

Я знал, что он врет...

Максим стал Рустамом...

Максим вне такого дерьма, как пустая благодарность...

Ладно... Ничего не скажу...

Появился какой-то плоскомордый, но я почувствовал, что он не такой, как те. Он что-то спросил, Толян ответил, я проваливался все глубже и глубже. Плоскомордый обратился ко мне - пришлось выплывать вверх... Включился...

Базар как базар - кто, чего, откуда. Уловив некий знак, я

спросил, откуда он. Оказалась, из Чувашии. Я когда-то, в прошлой жизни, это уже знал - половина кундузской автороты - чуваша, марийцы и мордва. Уточнил, откуда именно. Он удивился - а на кой это мне. Я сказал, что бывал там мать родом с Цивильска, это под Канашем.

Через пять минут Толик сидел на половине автомобилистов, жрал что-то удивительно вкусное и совершенно искренне беспокоился о моем состоянии.

Я этого уже не помню - спал двое суток. Встал больным, разбитым, с дикой головной болью и осознал - я выздоравливаю.

х х х

Выздоровление оказалось неполным. Нечто во мне безвозвратно изменилось. И главное - туман Азадбаша иногда оживал в моих глазах. Первый раз он напомнил о себе через пару недель после возвращения.

Поставили в караул. Первый мой караул. Самый страшный дед - Ванька Дрозд, был разводящим. Нашел, дурко, повод отвязаться. И нарвался... Лег... Дедушка! Амбал! Гроза всех духов был вырублен с одного удара... левой руки. Наполучал Дрозд поджопников так, что надеть сидеть не мог (это он, начав подниматься с земли, стал рукой шарить в поисках автомата, который я уже забрал, а потом додумался, ведя меня на пост, гавкать по дороге и обещать все казни ада).

Деды с дембелями разобраться "с этим отмороженным" напрямую не решились, и на четверо суток загнали меня в наряды, - не давая спать. Ха, ха, ха... Короче, никто ничего так и не понял...

Пришли первые молодые - наша "замена". Сначала пехота с карантин, потом "спецы" с учебок. Жизнь упростилась. Естественно, у нас и в помине не было Азадбашского беспредела, но все же, армия-то - Советская.

х х х

Отгремел и мой приказ. Я уже и не дембель - "гражданский", служить еще, правда, полгода. Ну да ладно... свыклись.

В октябре 84-го сижу в расположении связистов, прямо напротив своей оружейки. Общаюсь с земляком. Слышу крики, мат. Поднимаю глаза. Годовалый из моей роты лупит молодого. Кличка у "черпака" была Киргиз. Он действительно из Киргизии.

Отслужил у нас полгода. Прибыл из учебки - механик-водитель. Ничем себя не проявлял раньше, а тут, бля, разошелся. Дедушка хренов.

Сам здоровый, не выше меня, но все равно - хорошо за метр семьдесят и крепкий. Молодой - ростом с пулемет Калашникова - пытается вырваться.

В этот момент Киргиз размашисто, с "провалом" засаживает молодому пыром в пах... Какой до боли знакомый удар! Я это уже видел...

Время вновь выкинуло свой фирменный фортель. Встало... Заклубился желтый туман. В замершем вязком пространстве поднимаюсь и, словно тяжелый крейсер, плыву к оружейке. Там события разворачиваются полным ходом, но при этом как в замедленной съемке. Драка перекатилась на территорию оружейной. Старший сержант Сашка Михеев - зам старшины роты, пытается оттянуть Киргиза. Плоскомордый озверел и кидается на деда. Михеев, не долго думая, хватает саперную лопатку и бьет того по роже. Бьет неправильно. Не рубит, а тыкает ребром. Все равно - хватило. Рассек бровь и щеку под щелкой глаза. Урюк визжит и вцепляется в сержантские грудки. Тот вдруг видит меня и замирает. Успел, наверное, в глазки заглянуть.

Уже недолго, полметра от силы... я позади урюка, за спиной. Но мне нужно пространство. Вновь обретено счастье не размышлять... И теперь я многое умею. Слишком многое. Их - и Киргиза, и Михеева, уже так не учили. Мне - повезло. Им - нет...

Я беру одной рукой чурку за воротник и, продолжая его движение, начинаю менять траекторию. Он описывает стремительный полукруг. Теперь плоскомордый стоит спиной к оружейке. Я наступаю ногой под правое колено, и он начинает садиться вниз. Но я все равно быстрее. Намного... На порядок! Время - оно избрало меня...

Левой ногой заступил перед ним и прижался пахом к его лопатке. Левым предплечьем ловлю его шею. Правую ладонь накладываю ему на затылок, а кистью левой фиксирую локтевой сгиб. Хорошо взялся, плотно... руки связались в деревянный ворот... И потянул...

Не руками, не спиной, и даже не ногами. Всем естеством своим начал медленно вытягивать эту суку вверх.

Не было ненависти, не было злости, вообще - чувств не было. Только ощущение запредельной гармонии, слияния с окружающим, с миром... как пробуждение от сладкого сна... как наслаждение суровым черным блюзом... тягучее, мягкое, сонное, теплое... с истомой...

Киргиз что-то хрюкнул вначале, и начал судорожно скрести руками. Я видел, как его ногти, обламываясь и кровоточа, сучили по моему плечу.

Я не торопился... мы со временем - на Ты...

Вообще - это быстрый прием. Есть три варианта: можно потянуть пальцами и, если повезет, пережметесь сонная артерия. Можно и нужно давить рукой в затылок, опуская голову вниз и проворачивая левую руку от себя, лучевой костью загоняя ему кадык по самое "не хочу". И этого я не делал. А можно вообще, отпустить его колено и, зашагнув правой за левую ногу, не отпуская головы, резко повернуться всем корпусом.

Вот интересно - какая картинка перед глазами, если твоя башка, обернувшись на 270 градусов, "равнение налево" делает?

Но и проворачивать я тоже не стал... Я его душил тупо, как тогда говорили - "на физике", и не давая никаких шансов. Долго и, наверняка, очень мучительно.

Передо мной выросли двое - Сашка Михеев и Санек Катаев. Что-то кричали, но руками не трогали. Страшно...

Киргиз начал конвульсивно дергаться. С последним рывком тела я его отпустил, обошел упавшее тело и прошел сквозь очумевших пацанов...

Мне было - хорошо...

Все встало на свои места...

Я отстоял свой пост...

Азадбаш - умер...

Я - выздоровел...

х х х

Как пацаны его откачивали, и как плоскомордого приводили в себя в санчасти, я не спрашивал. Все равно... На разборе полетов мой взводный пообещал добить Киргиза по выходу с губы (новый ротный, капитан Степанов, после краткого разбирательства залупил тому "десятку").

Мои дембеля пожали плечами - на хрен тебе это надо? Что тут можно объяснить - мне двадцать лет понадобилось на осмысление!

Деды посмеялись...

Молодые - причислили к лику...

Вечером того дня я лежал в своей палатке и отдыхал душой. Зашел мой "младший брат" Санек Катаев:

- Глебыч, там с тобой Михеев поговорить хочет...

- Меня что, командиром батальона назначили?

Санек не понял. Смотрит...

- Да пусть заходит, Саня, вы же тут официалку разводите!

- Да ладно, Глебыч, не выделяйся, выйди к пацану...

- О-о-о...

Выхожу. Сидит в курилке несчастный Санек Михеев. Подсаживаюсь. Он бросает свою сигарету, вытаскивает пачку "цивильных" - с фильтром. Закуриваем. Молчим...

- С Юрцом все нормально...

Я отвечаю:

- Хорошо....

Юрец - это молодой, выхвативший от Киргиза. Я распорядился, чтобы его кто-то из сержантов сопровождал в санчасть на медосмотр. Мало ли чего, может он стесняется. Я-то удар видел и мне плевать на заверения, что, мол, все нормально - не попали.

- Я этому урюку отнес на губу чай и хлеб...

Что, братишка, совесть взыграла? На кой она тебе, родной, в этом мире уродливом? Спрашиваю:

- Не подох?

- Нет... Поначалу периодически задыхался, но потом ничего оклыгался...

- Жаль...

- Не знаю... Врачи говорят - могут быть последствия. Серьезно...

- Не будет ничего.

- В смысле?

- Ничего, расслабься...

Докурили. Попрощались. Разошлись.

Он пошел по своим замстаршинским делам, а я к Толяну, в "пятую". Хоть и не друзья, но на косячок сообразить с ним всегда можно было.

Хороший пацан был. Санька Михеев. Погиб глупо. Дома, сразу после армии. Перекинулся на тракторе в своей Ростовской области...

х х х

Вот такая вот - история... про стойких оловянных солдатиков.

г. Луганск

март - апрель 2004 г.